

НРАВСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ ЛИЧНОСТИ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ КИЕВСКОЙ РУСИ

Т.Н. Сыманович

УО «Мозырский государственный педагогический университет
им. И.П. Шамякина

В педагогической науке один из подходов в определении целей воспитания заключается в том, что выделяются как идеальные, так и реальные цели воспитания. По мнению О.С. Газмана, идеальная цель воспитания состоит в формировании гармоничной всесторонне развитой личности. А реальная цель воспитания связана с формированием базового образования и культуры индивида, а также представлением на их основе условий для развития тех сторон личности, для которых есть объективные и субъективные условия. С точки зрения Г.И. Лёгенького, под всесторонней развитостью личности подразумевается её цельность и ценностная направленность. Однако ценностные ориентации и установки носят исторический характер. Как справедливо заметил А.Я. Гуревич, в разные эпохи и в различных культурах люди воспринимают и осознают мир по-своему, на собственный манер организуют свои впечатления, знания, конструируют свою особую картину мира.

Представители всех трёх направлений педагогической мысли Киевской Руси (византийское, кирилло-мефодиевское и еретическое) считали, что в результате воспитания необходимо сформировать такой тип личности, в котором душа обязательно будет главенствовать над телом, а добро и долг – составляют фундаментальные основы нравственности человека. Начальный, стартовый момент в духовном совершенствовании – принятие высшего идеального образца. Всё же остальное зависит от самого индивида.

К византийскому направлению можно отнести воззрения митрополита Киевского Никифора. Просветитель полагал, что в качестве нравственного идеала может выступать только тот тип личности, в котором духовное имеет абсолютный приоритет над материальным. Опираясь на античную традицию, Никифор подробно характеризует основные «силы» души – разум, чувство и волю. В «Послании князю Владимиру» мы читаем: «Та душа от три части и есть: словесное, и яростное, и желанное» [1, 173]. Словесное означает ум, разум, логос, т. е. высшее начало в человеке. Яростное – чувства, страсти, эмоции. Желанное представляет волю, целенаправленность действий, от него возникает служение идее, подвижничество. Мыслитель подчёркивает неразрывную связь между разумом и нравственным началом: основа добродетели – разум, но лишь при правильном (добродетельном) его использовании [1, 171]. Митрополит Никифор также полагал, что идеал нравственности – аскет, сумевший подавить в себе греховное, плотское начало. Но пойти на добровольное принятие культа страданий может только личность свободная, в полной мере проявляющая «самовластие души». Обращение к аскезе – результат свободного волеизъявления личности, реализации «желанного начала» её души. В этом смысле Никифор в предложенном им идеале нравственности большое значение придаёт самонаблюдению: «... так же и я поступил и первопричину по душевным жилам нашёл, и передаю её вам ...» [1, 176]. Таким образом, идеал нравственности у митрополита Никифора – личность, сделавшая свободный выбор в пользу аскетического подвига. Идеальная личность, кроме того, обладает способностью к внутреннему самоанализу, что является отправной точкой и необходимым условием её нравственного развития. Такой подход в рассмотрении целей нравственного развития личности обогатил древнерусскую педагогическую мысль положением о том, что в процессе воспитания очень важно при определении системы внешних моральных требований к индивиду найти внутреннюю опору в виде соответствующей эмоциональной мотивации и духовного потенциала, которые позволят эффективнее осуществлять воспитательный процесс.

Суровые аскетические построения не всегда находили отклик в светской среде Древней Руси. Нравственные требования представителей византийского направления были чересчур высоки и практически невыполнимы. Поэтому не случайно широкое распространение в X–XIII вв. на восточнославянских землях получили идеи, опирающиеся на античное и кирилло-мефодиевское наследие.

Морально-этические взгляды болгарского монаха-просветителя Кирилла наложили заметный отпечаток на формирование идеала нравственности, характерного для педагогической мысли изучаемого периода. Этот идеал характеризуется относительным демократизмом и является реально достижимым. Кирилл считал, что все люди, принявшие христианство, обладают одинаковой способностью к нравственному совершенствованию.

По его мнению, люди стоят между ангелами и животными. От животных их отличают разум и речь, от ангелов – гнев и похоть. «И кто к тому приблизиться больше, к тем и приобщится – к высшим или низшим» [2, 13]. Нравственность человека зависит от образа жизни, уровня знаний. Далее мыслитель делает свой замечательный вывод, принципиально повлиявший на развитие древнерусской педагогической мысли, – «К Богу ближе тот, кто просвещён» [3, 20]. Следовательно, образец высокоморальной личности – человек, не уходящий от мира, а тот, кто своим поведением и постоянным просвещением приближается к высшим духовным сферам. Основные характеристики высокоморального индивида – вера, богоугодный образ жизни и интеллектуализм.

Отвергал аскетизм при описании нравственного идеала и Филипп Философ. В своей «Диоптре» он отмечал, что «когда мы говорим человек, то понимаем одновременно и душу, и тело ... На самом же деле, человек – это душевное существо» [3, 16]. Филипп не становился на позиции ортодоксального теолога, не отвергал плоти и мирского вообще. Плоть, по его мысли, не простоместилище души, а в некотором роде единственное условие, предпосылка её земного существования [3, 16–17]. В этом смысле очень важно не уйти от мирской жизни, а присутствовать в ней, делать её совершеннее своими добрыми поступками, любовью к ближнему. Образец для подражания – человек, стремящийся сделать окружающий мир гармоничнее, выполняющий христианские заповеди.

Интерпретация античного наследия также представлена широкоизвестным произведением светской литературы изучаемого периода – сборником афоризмов «Пчела». Этот труд был составлен монахом Антонием в XI в. на основе пришедшего из Византии одноимённого собрания изречений античных авторов Иоанна Стовейского (V в.) и антологии христианских взглядов Максима Исповедника (VII в.) [4, 43]. Авторы «Пчелы» считают, что в результате воспитания необходимо сформировать такую личность, которая творит добро осознанно, «по научению» [5, 243]. Высоконравственный человек – человек просвещенный, интеллектуальный. В свою очередь, об уровне развития интеллекта можно судить по поведению индивида. Апеллируя к Сократу, авторы «Пчелы» отмечают, что поведение высококонравственной личности основано на знании [5, 243]. Нравственный человек всегда оглядывается на опыт прошлого и старается предвидеть результаты предпринимаемых действий: «Когда рассуждаешь и действуешь, подумай о прежде бывшем и сравни его с нынешним: и всё, что неявно, сразу ясным окажется» [4, 43]. Интеллектуализм в качестве обязательного критерия идеала нравственной личности выступает и потому, что именно он способствует выработке самостоятельного взгляда на жизнь и осознанного к ней отношения. В «Пчеле» отмечается: «как самовольно творить, если другие творят страха ради законного» [2, 16]. Таким образом, по мнению авторов «Пчелы», целью нравственного воспитания является формирование такой личности, которая целенаправленно служит добру и стремится к знанию.

Такой же подход в определении нравственного идеала мы встречаем и в сборнике «Менандр». Афоризмы этого сборника главным образом подобраны по принципу: «Не делай другим того, чего не желаешь себе самому».

Влияние античных этических и антропологических представлений прослеживается и в «Толковой Палее», которая появилась на восточнославянских землях в начале XIII в. Авторы «Толковой Палеи» основной характеристикой идеальной личности считают её свободу воли или «самовластие души». Причём это исходит из убеждения о том, что нельзя обожествлять человеческую душу. В «Толковой Палее» отмечается, что «человеческая душа – дух низшего ранга по сравнению с Божеством» [2, 17]. По этой причине душа человека несовершенна, подвержена всевозможным слабостям и недостатком. Поскольку человек обладает свободой, то необходимо показать ему путь нравственного совершенствования, т. е. должно иметь место воспитательное воздействие на личность.

С позиций аристотелизма определялись цели нравственного воспитания и в «Изборнике 1073 г.». Для авторов «Изборника» идеал высоко-нравственной личности – человек, у которого «мудрость пребывает в душе» [6, 253]. Нравственный путь такой личности – познание «Премудрости», которая «Художница всего» [6, 255].

Нравственный идеал личности, предложенный идеологами еретического направления общественно-педагогической мысли Киевской Руси, является достаточно динамичным. Исходный момент еретических учений – утверждение о том, что между Богом и человеком не должно быть посредника. В «Написании» стригольника Акиндина отмечается: «А по великому Афанасию всяк человек прияли от Бога разум рассуждали, последовав невежие пастуха, муку примут, по речёному: слеп слепа вода, оба яму впадетася, ренше в бездну» [7, 48]. Отсюда вытекает, что сущностной характеристикой нравственного идеала является осознанная вера, определяющая поведение человека по его свободному, осмысленному выбору.

Другой ересью, имевшей хождение на восточнославянских землях в изучаемый период, было богомилство. Именно богомилство более всего было связано с народной культурой. Под влиянием этой ереси возник цикл духовных стихов, одна из ключевых тем которых – противоборство Правды и Кривды. Правда, т. е. духовная сущность человека, изначально, она естествонна по природе и неизбывна. Кривду можно отождествлять с греховным, плотским началом, – это препятствие на пути к нравственному совершенствованию личности, источник всех бед и несчастий. Согласно богомилской ереси, идеальной личностью можно считать лишь того, кто «следует Правде»: живёт в братстве с другими людьми, не причиняет никому зла, не стремится к богатству. В популярном среди народа духовном стихе «О нищей братии» речь идёт о том, что «Христос хочет дать бедным золотую гору, чтобы те, поделив её, были сыты, обуты, теплом обогреты» [7, 49].

Как известно, одна из целей воспитания в народной педагогике – формирование такой личности, которая бы превыше всего ставила интересы

рода, коллектива. Достоинство человека определялось не только с точки зрения его личного совершенства, но в большей степени тем, в какой мере он способен помочь окружающим, насколько он может воздействовать на окружающий социум с тем, чтобы сделать его более гармоничным.

В Православии личность соборна изначально. Причина этого – доминирование догмата Боговоплощения в восточном христианстве [8, 35]. Соборность можно трактовать как свободное единение людей друг с другом, основанное на стремлении сделать окружающий мир лучше и совершеннее. Для идеальной личности всегда характерно стремление быть полезной людям, приоритет общественного блага над собственным. Синтез традиций народной педагогики и этической доктрины Православия обусловил коллективистскую направленность нравственного идеала личности на восточнославянских землях как в X–XIII вв., так и в последующие периоды.

Список использованной литературы

1. Козлов, Н.С. Русская философская мысль X–XVII вв. / Н.С. Козлов, М.Н. Громов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 317 с.
2. Комаров, Ю.С. Общество и личность в православной философии / Ю.С. Комаров. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1991. – 187 с.
3. Константинов, Н.А. Воспитание и обучение в Киевском государстве (IX–XII вв.) и на Руси в XIII–XV вв. / Н.А. Константинов / Педагогика. – 2001. – № 9. – С. 61–71.
4. Кусков, В.В. История древнерусской литературы / В.В. Кусков – М.: Высшая школа, 2002. – 336 с.
5. Кошелева, О.Е. Источниковедение школы и просвещения Древней Руси / О.Е. Кошелева // Педагогика. – 2002. – № 3. – С. 98–104.
6. Крянев, Ю.В. Двоеверие на Руси. Как была крещена Русь / Ю.В. Крянев, Т.П. Павлова. – М.: Изд-во политической литературы, 1989. – С. 304–314.
7. Левшун, Л.В. Очерки истории восточно-славянской средневековой книжности: эволюция творческих методов / Л.В. Левшун. – Минск: Европейский гуманитарный университет, 2000. – 270 с.
8. Галактионов, А.П. История русской философии X–XIX вв. / А.П. Галактионов, В.Ф. Никандров. – Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. – 897 с.